

Но даже понимая все это, я продолжаю приходить к нему. Мерлин знает, почему. Возможно, я еще не потерял надежду показать Ремусу, что, кем бы он меня не считал, я по-прежнему сын своего отца. А скорее всего, мне просто плевать. Плевать на то, что он обращается со мной, словно с ребенком или тяжелобольным, что он следит за каждым моим шагом, все время ожидая, что я вот-вот оступлюсь. Мне плевать, что он старается не говорить о студентах и уроках, старается даже не колдовать в моем присутствии, полагая, что это каким-то абсурдным образом меня заденет, но при этом то и дело спрашивает о моем маггловском прошлом. Он хочет как можно больше разузнать о моих родственниках, друзьях, о летней аварии, моем приезде в Хогвартс и других вещах, по поводу которых я по-прежнему испытываю слишком смешанные чувства, чтобы отвечать на его вопросы, но на это мне тоже плевать. Потому что на самом деле существует только одна вещь, до которой мне по-настоящему есть дело – то, что я могу просто сидеть с ним в его гостиной, потягивая теплый чай из кружки с отколотым краем, слушать его размеренный голос, смотреть в его лицо, расслабленное и очень спокойное, и делать вид, что все по-прежнему. Что ничего не изменилось между нами, что не было никакой войны, что Ремус не погиб, и все остальные не погибли тоже. В такие минуты я могу говорить себе, что ни в чем не виноват – впервые за годы.

И это единственное, что имеет значение.

Ремус помнил свой разговор с Дамблдором, состоявшийся сразу после того, как он впервые увидел Гарри Поттера. Он по-настоящему дал волю своим чувствам только там, в кабинете директора, оказавшись наконец вдалеке от посторонних глаз и особенно вдалеке от Гарри. Он не хотел, чтобы на мальчика давили еще и сентиментальные воспоминания незнакомого профессора о его погибшем отце.

- Мерлин, - выдохнул он тогда, - он так похож на Джеймса.

«Так похож на Джеймса», - это вертелось у него на языке с той самой секунды, как он бросил взгляд на лицо подростка. Он выглядел немного ниже и тоньше Джеймса в его возрасте и намного бледнее и болезненнее, чем Джеймс, но, несомненно, был просто копией отца. Мальчик переживал нелегкое время, только и всего.

- Он не Джеймс.

Голос Дамблдора прозвучал тогда слишком весомо, слишком серьезно, так, что Ремус едва подавил желание ответить: «Я знаю». Конечно же, мальчик не был Джеймсом. Тогда он не понимал, что пытается сказать директор на самом деле. «Он даже близко не похож на Джеймса» - вот, что это было. Ремус понял это в тот день, когда попытался узнать Гарри ближе. По правде сказать, Гарри вообще не был похож ни на кого из всех, кого Ремусу доводилось встречать. Казалось, он целиком состоял из колючек, которыми оцетинивался, словно еж, всякий раз, как оборотень пытался приблизиться к нему. Как будто бы ждал опасности с его стороны. И не только с его, как понял Ремус в ходе их дальнейшего знакомства. На самом деле, Гарри не желал сближаться ни с кем из обитателей замка.

Дамблдор предупреждал его об этом, когда только приглашал работать в Хогвартс.

- Мальчик мой, Гарри даже говорить ни с кем не желает о происшедшем, - сказал он тогда. - Он не готов никому довериться. Делает вид, что все в порядке, но я вижу, что внутри него назревает буря, и это лишь вопрос времени - когда она вырвется наружу. Я хотел бы, чтобы в этот момент рядом с Гарри был кто-то, кому он сможет доверять. Поэтому я и прошу тебя забыть на время про свою осторожность и занять должность преподавателя, хотя знаю, как тебе нелегко сделать это. Ты единственный, кто может помочь Гарри. Но заслужить его доверие будет очень непростой задачей даже для тебя.

Ремус тогда ответил, что справится. Смешно, но он и сам верил в это поначалу. Разумеется, он не мог не видеть, что Гарри почти все время отчужден, и потерян, и у него нездоровый вид. Не то чтобы он не пытался скрыть этого, но Ремус всегда славился своей чуткостью, его было не провести вымученными улыбками и заверениями, что все хорошо. Также он не мог игнорировать ту боль и злость, что время от времени прорывались во взгляде и голосе подростка. Но все это казалось ему приемлемым, это было нормальным. Два с лишним месяца назад Гарри потерял семью, тех людей, которые воспитывали его все это время, которые дарили ему свою любовь и поддержку. Наверняка у мальчика не было никого ближе них, и теперь ему было очень тяжело. Но он должен был пройти через это, и Ремус был готов помочь.

Иногда Ремус украдкой наблюдал за Гарри, отмечая глубокие тени у него под глазами, горький изгиб рта, тоску во взгляде, и сердце у него сжималось от жалости, и он думал, что, возможно, был неправ тогда, четырнадцать лет назад, отказавшись от маленького Гарри без боя. Он мог бы собрать все свои силы, призвать на помощь влияние Дамблдора и взять опеку над сыном Джеймса, у него был шанс. И тогда всего этого не было бы. Вероятно, Гарри и в этом случае не был бы образцом счастливого подростка, но на него не навалилась бы столь страшная потеря. Раз уж Дурслям суждено было попасть в ту автокатастрофу, возможно, было бы лучше, если бы Гарри вообще не было с ними. И, кроме того, Ремус не переставал гадать, сохранились бы магические способности мальчика, если бы он рос среди волшебников? Была еще одна вещь, в которой оборотень едва признавался даже самому себе. Иногда ему в голову приходила мысль, что его собственная жизнь была бы совсем иной, если бы с ним рядом был маленький Гарри. Ребенок, который рос бы на его глазах, делился бы с Ремусом всеми своими маленькими открытиями, радостями, сомнениями. О котором он мог бы заботиться, как родной отец. Возможно, это сделало бы его собственное существование чуть менее горьким, чуть более осмысленным.

Как правило, оборотень поспешно гнал от себя эти мысли. Как бы тяжело не было Гарри сейчас, у него было самое главное - нормальное детство. Вообще-то, сам мальчик не слишком-то распространялся на эту тему, но не стоило особого труда догадаться, что на протяжении всех этих лет Дурсли давали Гарри то, что никогда не смог бы ему дать сам Ремус. Ведь он - всего лишь оборотень, а с выходом всех этих законов об оборотнях и поправок к ним он и шагу ступить не мог без присмотра Министерства, не говоря уж о том, чтобы найти приличную работу. Он не смог бы прокормить Гарри. Он не смог бы дать ему нормальную семью, дом, одежду, образование и прочее, что нужно маленьким мальчикам. Он жил звериной жизнью, и было бы слишком эгоистичным обрекать на нее и Гарри тоже. Поэтому Ремус раз за разом безжалостно отсекал все эти бесконечные «если бы» и «лучше бы», то и дело всплывающие в его воображении, стараясь всецело сосредоточиться на действительности.

А действительность заключалась в том, что сыну Джеймса довелось испытать много горя за последние месяцы, и Ремус должен был поддержать Гарри в это нелегкое для него время. Оборотень с самого начала знал, что должен помочь пережить мальчику тяжелую потерю, и единственным известным Ремусу способом сделать это было заставить Гарри впустить его в свою жизнь. Он не имел и понятия о том, насколько непростой задачей это будет. Ему казалось, что он требует от Гарри не слишком многого: быть откровенным с ним от начала и до конца. Мальчику нужно было просто выговориться, и выплакаться, и довериться наконец кому-то, и все было бы хорошо.

Ремус и представить себе не мог, насколько отчаянно Гарри будет противостоять этому. На каждый невинный вопрос, даже на чертов намек о его прошлом, подросток реагировал так болезненно, словно оборотень задел что-то личное. Словно ступил туда, где ему совсем не рады. Ремуса ожидали либо скупые, безразличные ответы, каждый из которых приходилось вытягивать чуть ли не клещами, либо холодное, почти враждебное молчание. Нередко Гарри прибегал к пустым, ничего не значащим отговоркам, сопровождающимся деревянными улыбками, но Ремусу нужно было от него совсем другое.

Он помнил немало таких долгих бесед в первые дни их более или менее тесного общения, когда он пытался нащупать хоть что-нибудь, что поможет ему расположить Гарри к себе, а мальчик реагировал так, как будто подвергался нападению.

- Ты не поддерживаешь связей со своими друзьями из Литтл-Уингинга? А с кузенком? Я говорил с директором, и он утверждает, что ты мог бы переписываться с ними.

- Не стоило утруждать, профессор. Я не собираюсь им писать.

...

- Гарри, я знаю, та автокатастрофа была для тебя нелегким испытанием, и я не хочу тебе лишний раз напоминать обо всем этом... Просто знай, если захочешь об этом поговорить, то я всегда выслушаю тебя.

- Спасибо, сэр, но все нормально, - устало. - Правда. Здесь не о чем разговаривать.

...

- Увлекаешься квиддичем? Наверное, и в своей прежней школе ты увлекался спортом, да? Может быть, даже состоял в футбольной команде? Знаешь, Джеймс ведь когда-то...

- Да-да, играл в квиддич за Гриффиндор, я знаю! - раздраженно. - Но вы же не считаете, что из-за этого я тоже должен гонять мяч, профессор?

...

- Знаешь, я думаю, что ты очень образованный для своего возраста. Вероятно, твои дядя с тетей очень тобой гордились?

Молчание.

...

- Тебе нравится в Хогвартсе? Альбус говорил, поначалу ты не хотел сюда ехать.

Молчание.

...

- Эй, нельзя целыми днями сидеть взаперти! Почему бы тебе не пообщаться с остальными студентами?

Молчание.

Вот и все, на что он мог рассчитывать. Однако в ходе этих странных бесед обозначился некий круг «запретных» тем, каждая из которых словно заставляла упасть какую-то невидимую занавеску в глазах Гарри, за которой ничего уже невозможно было разглядеть. Стоило оборотню задеть хоть одну из них, как спина подростка становилась совершенно прямой, голос - спокойным и безучастным, а взгляд - пустым и непроницаемым. И лишь почти осязаемое напряжение, повисающее в воздухе в такие минуты, свидетельствовало о том, что испытывал Гарри на самом деле. Так, «под запретом» были родственники Гарри, автокатастрофа, его прежняя школа, друзья, учителя, Лили и Джеймс Поттеры... Мерлин, под запретом было почти все, что хоть как-то касалось его прошлого.

Зато мальчик весьма охотно разговаривал с Ремусом о волшебных существах, артефактах и заклинаниях, последних новостях Магического мира (оборотень был немало удивлен, узнав, что Гарри предпочитает держаться в курсе всех новостей, до мельчайших деталей), науке, политике и даже квиддиче. Если бы он не знал этого наверняка, то ни за что бы не поверил, что Гарри - новичок среди волшебников.

- Бросьте, профессор, вы же не думали, что я не постараюсь узнать как можно больше о мире, в котором мне придется провести ближайшие несколько лет? - со смехом отозвался подросток, когда оборотень спросил его об этом.

Он все схватывал на лету, и Ремус поражался тому, как легко он осваивается с новыми знаниями. Порой ему было ужасно жаль, что этот мальчик никогда не станет волшебником. Этой темы оборотень даже не касался. Но не сомневался, что она тоже была запретной.